

по букве закона, крестьяне же полагали таковые действия незаконными. Это неизбежно деформировало доверие крестьян к властям, и еще крепче утверждало их в собственном понимании справедливости. Накануне реформ основной принцип действий местной администрации был — “быстрое проявление власти”. Новые условия 1861 г. по всей логике требовали и новой тактики взаимоотношений, тем более, что Манифест декларировал личную свободу крестьян. Однако интеграция крестьян в общество шла преимущественно путем запрещений, а это побуждало их к самостоятельному поиску способа законного удовлетворения своих требований. Власти же по-прежнему применяли тактику использования военной силы, идея которой пришла сверху на основе опыта дореформенных лет, когда военная сила воздействовала на крестьян одним фактом своего появления. К середине 60-х гг. XIX в. ставка на силу как средство воздействия себя исчерпала.

Стремление властей наказывать за любую инициативу и преобладание насилия над убеждением деформировали сознание крестьян и их представления. Суть деформации была афористично сформулирована К. Марксом: “Народ видит наказание там, где нет преступления, и именно потому, что он видит наказание там, где нет преступления, он перестает видеть преступление там, где есть наказание”. Таким образом, несмотря на серьезные перемены в жизни всего общества в пореформенный период, крестьянские представления о “законности” не подверглись коренным переменам, и потому можно говорить о них как еще одном из феодальных пережитков, не ликвидированных буржуазными реформами 60-х гг. XIX в.

Е.С. Соколова
(г. Екатеринбург)

АБСОЛЮТИЗМ И СОСЛОВИЯ: РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ НА ПУТИ МОДЕРНИЗАЦИИ

В 1885 г. на страницах “Русского вестника” появилась статья под многозначительным заголовком: “Современное состояние России и сословный вопрос”. Автором ее был будущий крупный чиновник Министерства внутренних дел А.Д. Пазухин, известный современникам как идейный вдохновитель реформ 80—90-х годов прошлого века.

Чем же объяснить столь блистательную карьеру скромного уездного предводителя дворянства?

Отмена крепостного права изменила привычный, исторически сложившийся строй жизни людей. Сословное начало уходило из-под контроля власти. Общее состояние государственности многие оценивали как “смутное и неопределенное”.

С непередаваемой горечью Пазухин писал о падении авторитета монархии. Он доказывал, что попытка уравнивать сословия в гражданских правах разрушила нравственную и юридическую связь каждого из них с верховной властью. В заключение автор рекомендовал возродить сословные учреждения и спасти от разорения дворянство как единственный слой общества, имеющий опыт в государственном управлении.

Предложенная программа перекликалась с тем, что говорил Александр III на встрече с волостными старшинами во время коронации. Стремление укрепить сословное начало было положено в основу реформ местного самоуправления, проведенных в последние десятилетия XIX в.

Одним из главных итогов социальной политики абсолютизма стало сохранение к началу XX в. сословных принципов, закрепленных в “Своде законов Российской Империи” 1832 г.

Лишение всех прав состояния оставалось одним из наиболее тяжелых элементов любого уголовного наказания. С 1845 г. действующее “Уложение о наказаниях уголовных и исправительных” предусматривало за изготовление подложных метрических свидетельств лишение сословных прав и ссылку на поселение в Сибирь. Аналогичные меры применялись по отношению к тем, “кто присвоит... непринадлежащее ему... чин, титул или знак отличия”. Легкомысленная авантюра Хлестакова, едва не завершенная женитьбой на дочери N-ского городничего, в действительности получала весьма трагическую развязку. Любители громких титулов обычно заканчивали жизнь на поселении где-нибудь в Томской губернии, навсегда теряя право быть государственным чиновником или служить по выборам. В ряде случаев уголовное право уравнивало преступления против законов о состояниях с нарушениями порядка управления и неповиновением властям. Политическая стабильность абсолютизма ставилась в зависимость от того, насколько добросовестно каждый подданный соблюдает жесткие требования сословной иерархии.

К началу XX в. “состояние лица или его происхождение” были главным критерием при определении на правительственную службу.

Из финансовых соображений законодатель отказывал в этом праве лицам податных сословий, не имевшим высшего образования. Строгий отбор кандидатов на вакантные места должен был подчеркнуть государственную значимость принципа службы “царю и отечеству”. С 1845 г. чины XIV—X классов стали давать личное почетное гражданство, не сообщаемое по наследству. Тем не менее, государственная служба по-прежнему оставалась весьма притягательной для недворян. Личные почетные граждане из числа государственных служащих получали довольно почтенные суммы от начальства на обзаведение хозяйством. Счастливые обладатели квартир и домов в пределах городской черты приравнялись в делах сословного управления к купечеству первой гильдии. В этом случае служба по выборам приносила солидные доходы из городской казны и даже возможность правительственных наград.

“Путь наверх” через сложную иерархию чинов и правительственных наград был открыт. По подсчетам Л.Е. Шепелева, к 1897 г. выходцы из недворян составляли 69 % бюрократического аппарата.

Административные и финансовые реформы второй половины XVII — начала XVIII вв. позволили законодателю более четко определить критерии сословных границ. В 1832 г. “Свод законов Российской империи” окончательно закрепил существование податных и неподатных состояний. Юридическое неравенство ревниво охранялось правительством даже после отмены подушной подати.

Непривилегированные сословия подвергались двойной системе надзора. Городские и волостные общества были обязаны следить за соблюдением паспортного режима и выдавать увольнительные приговоры желающим перейти в другое состояние. Неплатежеспособные лица, ведущие “порочный образ жизни”, передавались в распоряжение губернского начальства, что влекло за собой ссылку в Сибирь.

Заинтересованность правительства в исправном отбывании государственных повинностей вызвала к жизни ряд правовых норм, призванных обеспечить регулярный набор в армию. По закону от 14 мая 1874 г. всем лицам податного звания, достигшим 18-ти лет, выдавался особый паспорт с указанием призывного срока. Многочисленные отсрочки и льготы, предусмотренные для духовенства, владельцев недвижимости и университетских дипломов, разрушали вссословный характер воинской повинности. Правительство по-прежнему рассматривало податное население как основной источник

комплектования армии. Особая ответственность в этом случае возлагалась на сословные общества.

Важная роль корпоративных учреждений в организации мероприятий финансового и политического характера была обеспечена законом. Не в меру предприимчивый чиновник, вмешиваясь в деятельность выборных лиц по раскладке денежных сборов, рисковал навсегда испортить свой послужной список и даже потерять должность.

Стремление российского абсолютизма регулировать социальную жизнь общества предопределило важную особенность сословного законодательства эпохи. Самодержавие последовательно разрушало наследственный характер сословных прав “в общегосударственных интересах”. Только с 1869 г. дети православных священников приобрели права потомственного почетного гражданства, получив свободу от рекрутской повинности и подушного оклада. Само духовное звание не рассматривалось законодателями даже как пожизненное. С 60-х гг. XIX в. священнослужителям разрешалось добровольное сложение сана и поступление на государственную службу. Подобная мера была вызвана последовательным сокращением приходских штатов и вопиющей бедностью большей части белого духовенства. Закон отказал им даже в собственной корпоративной организации. Регулировать численность сословия и следить за его деятельностью на “благо империи” правительство предпочитало с помощью централизованной системы епархиального управления.

Принадлежность к торгово-промышленному состоянию приобретала столь же профессиональный характер. Верховная власть не торопилась облегчить наследникам банкротов продвижение по сословной лестнице. С 1865 г. родственники несостоятельных должников получали промысловое свидетельство только после согласия Конкурсного управления и общего собрания заимодавцев. Дети разорившихся купцов I-й гильдии навсегда теряли право поступления на государственную службу.

В XVIII — первой половине XIX в. подвижность сословных границ не противоречила развитию социальной системы, в которой каждая группа выполняет свои обязанности, санкционированные законом. Российский абсолютизм, лишенный мощной поддержки “третьего сословия”, был вынужден создавать собственную опору власти. Чины, платежеспособность и происхождение считались главными критериями сословной принадлежности. В рамках традиционного общества сохранение корпоративного строя обеспечивало каждому относительно прочное место в феодальной иерархии.

Многое изменилось, когда в конце прошлого века российский абсолютизм взял на себя роль организатора индустриального подъема. Ближайшим социальным итогом финансово-экономических мероприятий правительства стал революционный взрыв 1905 — 1907 гг. Государство впервые не сумело “снять” сословные конфликты, углубленные капитализацией страны. Законодатели продолжали упорно отрицать принцип равенства прав. Роли в обществе по-прежнему распределялись монархом. Экономический аспект модернизации развивался за счет социального. Сословная политика абсолютизма больше не соответствовала потребностям развития российской государственности.

Н.П. Ершова
(г. Екатеринбург)

ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКИЕ ШКОЛЫ И ШКОЛЫ ГРАМОТЫ ЕКАТЕРИНБУРГСКОЙ ЕПАРХИИ В ПЕРИОД 1855—1900 гг.

Исследовательская литература по проблеме церковно-приходских школ и школ грамоты в Екатеринбургской епархии за период 1885 — 1900 гг. практически отсутствует, исключая некоторые фрагментарные сведения, отраженные в кандидатской диссертации Н.М. Ушаковой “Земское народное учительство Урала времени двух буржуазно-демократических революций”, защищенной в 1984 г. Источниками для изучения данной проблемы могут служить отчеты о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты за 1885 — 1900 г., помещенные в “Екатеринбургских епархиальных ведомостях”, заметки о школьном деле, указы, определения Св. Синода, также опубликованные в этом издании. На основе этих источников можно составить следующую картину развития церковных школ в Екатеринбургской епархии в период 1885 — 1900 гг.:

1. Высшее управление школами находилось в ведении Училищного совета при Св. Синоде, местное заведывание находилось у епархиальных преосвященных через Епархиальный училищный совет и его уездные отделения, контроль над школами осуществлялся епархиальным наблюдателем за церковно-приходскими школами. В епархии существовало семь уездных отделений училищного совета: Екатерин-